

ции. Выявленные вызовы требуют перехода к гибридным, персонализированным системам управления, интегрирующим запрос на гибкость с элементами стабильности, защиты и возможностями развития.

Список литературы:

1. Herzberg, F., Mausner, B. and Snyderman, B.B. The Motivation to Work. New York: Wiley, 1959. 157 p.
2. Меренков А.В., Антонова Н.Л., Бахтин Е.Л., Попова Г.И. Университеты как источник формирования precarious занятости // Интеграция образования. 2023. Т. 27, № 2. С. 273–288.
3. Тощенко Ж.Т. Новое социально-экономическое явление: прекариат // Ноономика и общество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1, № 1. С. 146–161.
4. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. 2000. Vol. 55, No. 1. P. 68–78.
5. Adams J.S. Inequity in Social Exchange // Advances in Experimental Social Psychology. New York: Academic Press, 1965. Vol. 2. P. 267–299.

**Т.Н. Кудряшова, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского**

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МОЛОДЕЖИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию неформальных практик социальной поддержки саратовской молодежи. Представлены результаты авторского социологического опроса, где особое внимание уделено анализу структуры источников поддержки среди молодых людей 14–35 лет. Выявлено доминирование семьи и друзей как основных ресурсов помощи при снижении доверия к формальным институтам. Полученные эмпирические данные показали доминирование «связывающего» капитала в молодежной среде, что указывает на концентрацию ресурсов внутри ограниченного круга общения и второстепенную роль более широких социальных контактов. Сделан вывод о необходимости развития общественных инициатив для расширения социального взаимодействия молодежи и укрепления институционального доверия.

Ключевые слова: молодежь, социальная поддержка, жизненные стратегии, социальный капитал.

**T.N. Kudriashova, Saratov National Research State
University named after N.G. Chernyshevsky**

INFORMAL SOCIAL SUPPORT PRACTICES FOR YOUTH IN THE REGIONAL ASPECT

The article is devoted to the study of informal social support practices among youth of the Saratov region. The results of the author's sociological survey are presented, where special attention is paid to the analysis of the structure of support sources among young people 14–35 years old. The dominance of family and friends as the main resources of assistance in reducing trust in formal institu-

tions has been revealed. The empirical data obtained showed the dominance of «bonding» capital among young people, which indicates the concentration of resources within a limited circle of contacts and the secondary role of broader social contacts. It is concluded that it is necessary to develop public initiatives to expand social interaction among young people and strengthen institutional trust.

Keywords: youth, social support, life strategies, social capital.

В условиях трансформации современного общества наблюдаются существенные изменения в механизмах социальной поддержки, особенно затрагивающие молодежь. Находясь на этапе становления жизненных стратегий и социальной идентичности, молодежь остро реагирует на трансформацию институциональной среды, что делает изучение ее практик социальной поддержки актуальным направлением социологического анализа. В последнее десятилетие фиксируется снижение доверия молодого поколения к формальным институтам (государственным структурам и системам социальной защиты) и прослеживается ее переориентация на ресурсы ближайшего окружения.

В этих условиях особое значение приобретают неформальные практики социальной поддержки, реализуемые через повседневные взаимодействия с семьей и друзьями. Они выступают не только механизмом адаптации к социальным рискам, но и важным ресурсом воспроизводства социальных связей и формирования жизненных стратегий.

Теоретическое осмысление неформальных практик социальной поддержки молодежи в данном исследовании опирается на концепцию социального капитала, представленную в трудах классиков современной социологии: П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма.

Согласно П. Бурдье социальный капитал представляет собой совокупность ресурсов, связанных с устойчивой системой социальных связей, основанных на взаимном признании и принадлежности к группе [1]. Дж. Коулман акцентирует его функциональную сторону – ресурсы в структуре отношений, облегчающие координацию и кооперацию [2]. Р. Патнэм выделяет два типа капитала: «связывающий» (bonding) – тесные связи семьи и друзей, обеспечивающие доверие и поддержку, и «перекрестный» (bridging) [3].

Использование концепции социального капитала позволяет интерпретировать неформальные практики поддержки не только как индивидуальные стратегии, но и как проявление более широких социокультурных процессов трансформации социальных связей и доверия к социальным институтам.

Результаты авторского социологического опроса демонстрируют отчетливую ориентацию молодежи на неформальные источники социальной поддержки. Согласно полученным данным модальным значением выступает семья как основной источник поддержки – 20,9%. На втором месте находятся друзья – 15,9%, что подтверждает значимость ближайшего социального окружения в преодолении жизненных трудностей. При этом заметную роль играют и коллеги (13,4%), что свидетельствует о включенности профессионального окружения в систему неформальной поддержки.

Одновременно обращает на себя внимание сравнительно низкий процент респондентов, прибегающих к помощи специалистов (психологов, консультантов) – 10,4%. Данный показатель отражает ограниченную распространенность институционализированных форм поддержки и указывает на сохраняющийся барьер обращения к формальным практикам помощи. Существенным является и тот факт, что 14,4% опрошенных заявили о том, что справлялись

с трудными ситуациями самостоятельно, не прибегая к внешней поддержке. Это свидетельствует об усилении тенденции к индивидуализации и ориентации на собственные ресурсы.

Особое значение имеет высокий показатель отсутствующих ответов – 24,9%, что может интерпретироваться как индикатор неопределенности, затруднений в рефлексии собственного опыта или латентного недоверия к самому вопросу о получении помощи.

В целом можно зафиксировать доминирование неформальных источников поддержки – семьи, друзей и коллег, совокупная доля которых существенно превышает обращение к специалистам. Это подтверждает, что практики социальной поддержки молодежи преимущественно реализуются в рамках повседневных межличностных взаимодействий, а формальные институты остаются на периферии.

Сопоставление результатов авторского опроса с другими социологическими исследованиями показывает, что выявленная структура соответствует общероссийским тенденциям. Так, по данным ВЦИОМ, 91% молодых россиян подчеркивают значимость поддержания теплых семейных отношений [4], а 83% имеют устойчивые дружеские связи, что подтверждает высокую роль неформального окружения [5].

Анализ возрастной динамики субъектов социальной поддержки в авторском опросе выявляет существенные различия в стратегиях поведения молодежи, отражающие уровень индивидуализации и характер использования социального капитала. Так, в младшей группе опрошенных (15–18 лет) наиболее выражена неопределенность: 44,4% респондентов затруднились ответить, 27,8% справлялись самостоятельно. Это свидетельствует о вынужденной индивидуализации и слабой сформированности устойчивых социальных связей.

В группе 18–24 лет происходит частичное расширение неформальных практик: обращения к семье составляют 22,4%, к друзьям – 13,4%. При этом сохраняется значительная доля самостоятельного преодоления трудностей, что формирует переходную модель поведения.

Молодежь 25–29 лет демонстрирует более диверсифицированную структуру поддержки: наряду с семьей (18,9%) возрастает роль профессионального окружения и специалистов (по 17 % соответственно). Формируется смешанная модель, сочетающая неформальные и институциональные ресурсы. В старшей группе (30–35 лет) вновь доминирует ближайшее окружение: семья и друзья – по 22,2%, обращение к специалистам минимально (7,9%), что указывает на закрепление «замкнутого» социального капитала.

Сопоставление возрастных групп показывает нелинейный характер индивидуализации: в младших когортах она проявляется в изоляции и самостоятельности, в старших – в устойчивой опоре на ограниченный круг близких. В отличие от общероссийских тенденций, где с возрастом растет институциональное доверие, в региональном контексте наблюдается обратный процесс: даже временное расширение роли специалистов в 25–29 лет сменяется возвратом к неформальным практикам. Таким образом, социальный капитал молодежи носит преимущественно замкнутый и компенсаторный характер, а индивидуализация сопровождается сужением каналов социальной поддержки.

Анализ способов преодоления трудных жизненных ситуаций показывает, что поведенческие стратегии молодежи распределены между институциональными, неформальными и индивидуальными моделями без явного доминирования одной из них. Наиболее распространенным оказался вариант обращения к специалистам – 21,4%, однако практически равные доли респондентов полагаются на собственные знания и опыт (19,9%) или на поддержку близкого окружения (19,9%).

Дополнительно 13,9% предпочитают полностью автономное преодоление трудностей, 24,9% затруднились ответить. В совокупности индивидуальные и неформальные практики охватывают большую часть опрошенных, что подтверждает тенденцию к индивидуализации и доминирование «связывающего» социального капитала в узких доверительных сетях.

Анализ стратегий достижения жизненных целей выявляет устойчивые возрастные различия среди молодого поколения. В группе 18–24 лет преобладают индивидуализированные стратегии: 29,9% опираются на собственные знания и опыт, 26,9% – на самостоятельное преодоление трудностей без внешней помощи. Это отражает раннюю стадию формирования автономных жизненных установок.

В группе 25–29 лет модель поведения становится более открытой: возрастает доля обращений к специалистам (32,1%) и близкому окружению (24,5%), при сохранении значимой роли самостоятельных стратегий. Формируется комбинированный тип поведения за счет включенности в профессиональную сферу.

В старшей возрастной группе (30–35 лет) вновь усиливается ориентация на неформальные источники: возрастает роль семьи и друзей при одновременном снижении обращений к специалистам. Во всех возрастных когортах практически отсутствуют упоминания формальных институтов (государства, общественных организаций) как ресурсов достижения целей.

Полученные данные согласуются с выводами обозначенных выше социологических исследований о снижении значимости институционального участия среди молодежи, однако в региональном контексте данная тенденция выражена более отчетливо: институциональные каналы фактически исключены из повседневных практик, что усиливает индивидуализацию и замкнутость социального капитала.

Дополнительное подтверждение данной тенденции содержится в анализе факторов отношения к жизненным трудностям. Так, 54,1% респондентов указывают на социально-экономический статус как ключевой ресурс, тогда как поддержка семьи и друзей занимает второе место (44,3%). Это свидетельствует о том, что даже неформальные практики поддержки в значительной степени опосредованы материальными возможностями и встроены в экономический контекст, что усиливает их компенсаторный характер.

Сопоставление с результатами других социологических исследований показывает, что выявленные особенности носят не только локальный, но и типологический характер. В исследовании социального капитала молодежи, проведенного на базе РГПУ им. А.И. Герцена [6], подчеркивается, что ресурсы поддержки преимущественно концентрируются внутри ближайшего окружения и используются для решения конкретных жизненных задач, а не для расширения социальных возможностей. В то же время подчеркивается необходимость развития более широких форм взаимодействия и институционального доверия, поскольку замкнутость социальных связей ограничивает потенциал гражданской активности и социальной интеграции молодежи.

Таким образом, можно сделать вывод, что в авторском исследовании наблюдается более выраженная комбинация индивидуалистских стратегий и опоры на ограниченный круг неформальных связей. При этом даже обращение к специалистам не свидетельствует о полноценной институционализации поддержки, а скорее отражает ситуативное использование доступных ресурсов. Это подтверждает углубление процессов индивидуализации и социальной дифференциации, при которых социальный капитал остается преимущественно замкнутым и выполняет компенсаторную функцию.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в условиях трансформации современного общества неформальные практики социальной поддержки, реализуемые в рамках семьи и круга близких друзей, доминируют среди молодежи изучаемого региона. Роль формальных социальных институтов при этом заметно снижается, что свидетельствует об углублении процессов индивидуализации и социальной дифференциации. Молодые люди все в меньшей степени зависят от государственных структур и формальных организаций и все в большей – от ресурсов личных, а также социальных сетей. Полученные эмпирические данные полностью согласуются с выводами о высокой значимости семьи и друзей и низкой значимости широкой гражданской активности в структуре социальной поддержки молодежи.

На основе результатов исследования представляется целесообразным сформулировать следующие практические рекомендации. Необходимо акцентировать развитие общественных инициатив и расширение доверия за пределы узкого круга ближайшего окружения. Важно поддерживать молодежные сети взаимодействия, включая клубы по интересам и волонтерские программы, что позволит постепенно интегрировать молодых людей в более широкие социальные структуры. Кроме того, укрепление доверия к формальным институтам и развитие коммуникативных ресурсов (образовательные и культурные площадки, Молодежные центры) будут способствовать росту общественной активности и успешной социализации молодежи в современных условиях.

Список литературы:

1. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т.3, № 5. С. 60–74.
2. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology, 1988. Vol. 94. P. 95–120.
3. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
4. Ценности молодежи // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Дружба и друзья: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/druzhba-i-druzja-monitoring> (дата обращения: 01.03.2026).
6. Граничина О.А., Агапова Е.Н., Жарова М.В., Трапицын С.Ю. Социальный капитал как фактор повышения гражданской активности молодежи. // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 8 (146). URL: <https://research-journal.org/media/articles/14369.pdf> (дата обращения: 04.03.2026).

**И.Е. Курчаткина,
школа № 1474, г. Москва**

МОЛОДЕЖЬ КАК АКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ Г. МОСКВЫ)

Статья рассматривает один из ключевых вопросов современности – цифровизацию, интерпретирующуюся в таком важном общественном институте как образование. Сегодня интеграция цифровых технологий протекает наиболее интенсивно в общеобразовательной школе,